

Андрей Кивинов

Временно недоступен

МЕСТО ПЕРЕМЕН

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К38

Серия «Мастера криминальной прозы»
Оформление обложки: *Юлия Межова*

Кивинов, Андрей Владимирович
К38   Временно недоступен. Книга вторая: Место перемен /
Андрей Кивинов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 317,
[1] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-095796-5

Мелкий чиновник из Москвы и следователь Следственного комитета по Калининграду не являются образцами честности. Первый промышляет аферами, второй не прочь подзаработать на контрабанде бриллиантов. По воле случая им приходится поменяться местами, и жизнь не только их, но и целого города переворачивается с ног на голову.

Теперь они вынужденно становятся вершителями чужих судеб. И на их плечи ложится груз такой ответственности, о которой они даже не подозревали. Но всегда есть выбор... Остаться или сбежать...

Подписано в печать 22.02.16.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж   экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Андрей Кивинов, 2016
© ООО «МЭДЖИК ФЭКТОРИ», фото, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Уважаемый читатель, если продавец
в книжном магазине заверит,
что вы все поймете,
не прочитав первой части, верьте ему —
он тоже хочет заработать.
Но сначала купите первый том*

Вольный журналист Анастасия Журавлева, чью храбрость великозельский читатель сравнивал с ее внешностью (со знаком плюс, на всякий случай), на дело пошла в деловом костюме, да простят ее за тавтологию. Ибо беседовать предстояло не с какой-нибудь заезжей звездой шоу-бизнеса, а с председателем местного суда, хотя судейство в чем-то тоже и шоу, и бизнес. Отправилась не одна — взяла подельников: оператора Сеню Жукова и пару таких же вольных репортеров, не столько храбрых, сколько пьющих.

Упомянутый председатель с забавной фамилией Ляпин компанию принял не слишком охотно, он не любил публичности, ибо тот же великозельский народ поговаривал о нем: «Не тот судья, кто дает, а тот, кто берет». А людям с подобной характеристикой лишняя засветка не нужна. Но все же принял и даже предложил испить кофе, оценив длину и стройность ног репортера. К тому же он обладал ценными качествами опытного политика — сказать всё, при этом не сказав ничего.

— И все-таки, Андрей Леонидович, что в вашем понимании важнее — дух или буква закона? — допыты-

валась Анастасия, поднося к губам белоснежную чашечку из тончайшего фарфора.— Наверняка вам не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда подсудимый не заслуживает наказания, но по закону вы обязаны вынести обвинительный вердикт. И наоборот.

— Да, это больная тема. Больная и неоднозначная,— Ляпин имел полезную привычку — повторять слова, так сказать, для «веса».— Неоднозначная потому, что надо рассматривать конкретные случаи. Увы, судья не имеет права на эмоции. Он обязан, просто обязан быть беспристрастным. А значит, руководствоваться законом, каким бы несовершенным тот не был. Как говорится — закон плох, но подзаконные акты еще хуже. Шутка. Лично я стараюсь гасить эмоции. И вообще, в нашем деле нельзя утилитарно, нельзя. За каждым делом стоит человек. Да. Человек. Надеюсь, вы меня понимаете? Понимаете?

Анастасия кивнула, одарив судью чарующей улыбкой сальфиды. Пока он созерцал девичий оскал, сальфида вернула фарфоровую чашечку на стол и невозмутимо произнесла, притушив улыбку:

— Андрей Леонидович, а как вы можете прокомментировать приезд московской квалификационной комиссии судей? Связан ли он с последними оправдательными приговорами и слухами о вашей возможной отставке?

Ради этого ключевого вопроса все интервью и затевалось. Для усиления впечатления Настя поближе поддвинула микрофон с логотипом местного канала. Оператор снова нацелил объектив камеры на председателя, словно охотник ружье.

Легкая тень на тяжелом челе могла бы послужить ответом. Но не послужила. Что за чепуха? Какая

комиссия? Какая, на хрен, отставка?! Да, «оправдашки» были, но законные... Почти... Неужели?..

Нет, не может быть. Это у них такие теперь методы, у журналистов. Провокационные. По телевизору Караулова насмотрелись, вот и мнят себя такими же профи. Зададут каверзный вопрос и наблюдают за реакцией. В той среде, куда обычно клиенты Ляпина направляются, это называется на понт брать.

Или не берут?

Один из вольных репортеров рьяно вытянул руку с микрофоном, едва не выдернув ее из сустава. От микрофона тоже несло перегаром.

Ляпин машинально отклонился, но тут же вернул себя в прямое положение. Осанку надо держать. Даже сидя. Особенно сидя — слава богу пока в судейском кресле и в своем кабинете. Ни в коем случае нельзя показывать слабину. Ни в коем случае.

— А что, к нам приезжает комиссия? С чего вы взяли? — Судья с эмоциями совладал, но голос все-таки чуть дрогнул — словно легкая рябь по воде.

— Это наша работа — все знать, — бодро пояснила Настя, превратившись в самую доброжелательность, — да, комиссия прибудет со дня на день.

Она откинулась на спинку стула, стараясь уловить малейшие нюансы в реакции Ляпина.

Тот подтянул манжет рубашки, пряча часики. Цены немалой.

— Мне казалось, что приезд комиссии — это информация не для общего доступа, не для общего, — по-отечески пожурил он, снова нацепив на полное лицо маску невозмутимой уверенности. — И думаю, не следует столь неосмотрительно ее оглашать. Я сам узнал совсем недавно.

— Может быть, вы не в курсе и того, что сейчас в городе работает представитель Следственного комитета из Москвы? — Еще один заготовленный вопрос поразил цель. Маска чуть съехала.

— Да, конечно. Я в курсе... И что?

— Он задержал некоего гражданина Пузина по подозрению в совершении тяжких преступлений. И вам, возможно, предстоит санкционировать арест.

— Все зависит от материалов дела. От материалов дела. Пока я не могу комментировать.

— И тем не менее вы комиссию из Москвы ожидаете спокойно и отставки не опасаетесь? — продолжала наступление Настя.

— А мне есть чего опасаться? Есть из-за чего беспокоиться? — недобро зыркнул на журналистку Андрей Леонидович, прервав затянувшуюся паузу. И нервно ослабил узел галстука-удавки. Это не акулы пера. Это пираньи настоящие. Порвут на клочки и не подавятся.

— Вам виднее, — одарила судью улыбкой Джоконды пиранья Анастасия.

* * *

— Скажите, кто получит страховую премию в случае вашего ухода из жизни?

Голос спокойный, без намека на эмоции. Работа.

— В смысле?

— Жена, родители, дети? Мне надо вписать в договор...

— А если я не уйду из жизни?

— Но вы же не собираетесь жить вечно?

— А может, и собираюсь. Медицина не стоит на месте.

— Значит, никто не получит... Так кого?

— Жены нет, детей тоже... Пишите маму...

Этот странный диалог полугодовой давности при оформлении страховки на машину почему-то вспомнился Вячеславу Андреевичу именно сейчас. Да, уход из жизни грозил стать реальностью. Дурацкое сочетание. Ушел из жизни, вернулся в жизнь, опять ушел... Будто поход на тот свет все равно, что поход в супермаркет.

А после того, как он красиво понтонулся перед Димой, произнеся ургантовское «работаем», и задержал Пузина-младшего, перспектива скоропостижного ухода приблизилась максимально. Нароботает он тут. На бесплатные похороны. В том смысле, что прикопают в лесу.

Но, как говорится, задница боится, а руки делают. Руки в настоящий момент листали Уголовно-процессуальный кодекс. Надо вспомнить, каков порядок действий при аресте. Много лет утекло после студенчества, да и законы меняются.

За этим благообразным занятием застал Золотова явившийся без предварительного звонка Ланцов.

— Добрый вечер, Антон Романович! Не отрываю? — Его купидонская улыбка, как всегда, замыслов хозяйина не выдавала. С такой можно и цветы дарить, и башку рубить.

— Добрый вечер, Иван Михайлович, — без лишних эмоций поприветствовал визитера временный хозяин кабинета.

Проходить и присаживаться не предложил, да Ланцов и не ждал. Не до церемоний. Он прошел и фривольно расположился на стуле напротив Золотова, закинув ногу на ногу.

— Слышал, вы возбудили дело?

— Да, пришлось, — спокойно подтвердил Вячеслав Андреевич, он же Антон Романович, он же майор Фейк.

— И даже собираетесь арестовать человека?

— Возможно.

Ланцов до последнего надеялся, что в ход событий вкралась какая-то досадная ошибка. Кто-то недопонял, кто-то недосмотрел, кто-то не согласовал — и пошло-поехало. Некстати вспомнился анекдот про Буратино: «Поставил Папа Карло Буратино вместо ног колеса и пошло-поехало». Проверяющему пока никто руки-ноги не отрывал, только заряд дробы в задницу всадили, и то по трагической случайности. Не за это же мстит теперь? Возможно, пользуясь случаем, цену набивает. А Пузин-младший, гаденьш, как подставил! Совсем зарвался, паршивец. Будь на то его, Ланцова воля, запрятал бы щенка в темный шкаф. И бил бы по шкафу дубиной, пока щенок не оглох.

— Но мы же вроде решили вопрос, — наклонившись поближе, вкрадчиво напомнил Купидон.

Вдруг майоришка не понял, что они согласны? Ждет гарантий и поэтому морду воротит. Вот борзый. Или не доверяет? Предоплату хочет?

Ничего не ответил майоришка, просто молча встал из-за стола, открыл сейф и разложил перед заместителем мэра свой охотничий трофей — коллекцию холодного оружия, множество бархатных коробочек с драгоценностями, ювелирные изделия россыпью, упругий увесистый пакет с белым порошком. А поверх этого натюрморта, как вишенку на торт, аккуратно уложил пистолет-пулемет «Кедр».

— Изъято у гражданина Пузина в ходе санкционированного обыска, — пояснил он, — с понятиями.

Улыбка с лица Ланцова плавно стерлась — словно ластиком кто-то невидимый провел — чему ж тут улыбаться? Плакать надо.

— А вот переданные мне дела по разбоям, во время которых все это похищено. — Золотов опустил руку на лежащую на столе толстую кипу папок и мягко, словно доктор, оглашающий больному неизлечимый диагноз, уточнил: — По разбоям, понимаете? И речь тут уже не о лекарствах. Надеюсь, вы улавливаете тонкую грань между оплошностью и разбоем?

Ланцов грань улавливал, поэтому замолк, размышляя, — на гладкий, словно попка младенца, лоб напружились тонкие морщины — явное свидетельство напряженной работы мозга. Закаленные в боях извилины не подвели — выдали единственно правильное решение.

— Я понял, Антон Романович, — улыбка вновь вернулась на место. Эдакий смайлик. — Вы, кажется, любите число «пи»? А что вы думаете по поводу «пи» в квадрате?

Ноль эмоций. Хоть бы подмигнул для приличия. Как сидел с каменной рожей, так и сидит. Надо бы и его в темный шкаф.

— Или, может, в кубе? — Смайлик превратился в антисмайлик.

Ланцов сверлил Золотова взглядом, словно проверяя на нем новейшую технологию НЛП. Считай, считай, гаденыш. Смотри не подавись!

Майор взгляд выдержал. Не моргнув.

— Да, действительно хорошее число...

Опытный московский чиновник тщательно следил за своей мимикой — чтоб ни один мускул не выдал

интереса. Это ж не жизнь — мечта. Чтоб им с Оваловым такие бабки на блюдечке подносили. Да еще и взять уговаривали. Все-таки Следственный комитет — сила. Может, зажмуриться и взять? Макс узнает, что отказался, — душу вынет и на колеса его же кабриолета наматает. Кстати, как он там? Не Макс — авто.

Вячеслав Андреевич кабриолет этот полгода ждал по спецзаказу, поэтому, даже ненадолго оставляя, переживал за машинку. Он ее любил — почти так же сильно, как Жанну. Или сильнее? Нашли, наверно, слепневские стервятники, продали или разобрали на запчасти бежняжку. В смысле — машинку, а не Жанну. Хотя и Жанну тоже могли. Он поймал себя на том, что думает о подружке как-то отстраненно, без эмоций.

Ланцов не отрывал взгляда от следователя. Молчит, гад. Считает. «Пи» в куб возводит, а потом конвертирует. Прикидывает, что на «пи» в третьей степени купить можно. Каких дальних родственников подключить, чтоб не светить левые доходы. Ему ж тут не на одну виллу в Испании хватит. И даже не на две. Иван Михайлович уже предвкушал победу. Прикидывал, как правильно доложить Марусову. Правильно — это «пи» в пятой степени. «А что делать, Виталий Иванович, что делать? Да, сволочь, но...»

И тут Золотов очнулся от раздумий.

— Но это число здесь немного неуместно, — выдохнул он, сам себе удивляясь.

Купидон даже вздрогнул. Почувствовал себя так, словно его самого посадили в шкаф и сейчас начнут дубасить палками.

— Речь идет об особо тяжких преступлениях. Об организации преступной группировки в том числе, —

добавлял «палок» проверяющий.— Вам, Иван Михайлович, как человеку государственному, должно быть понятно, что есть что.

— Ху из ху, как говорится,— растерянно промямлил Купидон, все еще не веря ушам своим.

— Вот именно. Я рад, что вы понимаете. На такие вещи нельзя закрывать глаза. Если мы с вами, конечно, люди и граждане своей страны, а не персонажи Зощенко. Вы любите Зощенко?

Ланцов напрягся. При чем здесь Зощенко? С ним тоже делиться придется? Пробить надо будет — что за тип. Должность? Место в иерархии? Если наверху, на самом, то дело труба — у столичных свои расценки. Попробуй перешиби — по миру пойдешь вместе с молодой женой. Или, скорее, без нее.

— К тому же мне пришлось доложить руководству. Возможно, сюда пришлют дополнительные силы,— обрадовал следователь. Надо в тонуэ этих «хозяев жизни» держать. Так, на всякий случай. Если уж Пузину-младшему мордобой в ресторане устроить как стакан накатить, то что от хозяев ждать.

— Это из-за той драки, да? Антон Романович, он извинится! И мы его сами накажем! Бога ради, предъявите обвинение, направляйте дело в суд, никто слова не скажет. Мы просим лишь избрать меру пресечения, не связанную с арестом...

— Простите, кто это — мы? — голосом доброй воспитательницы детского сада поинтересовался Золотов. После чего уточнил голосом строгой воспитательницы: — Случайно не знаете, кто еще в этой милой компании? Пузин ведь не один пошаливал.

Ланцов в данную секунду походил на Джеймса Бонда, которому на совершенно секретный мобиль-

ник позвонил рекламный менеджер. «Джеймс? Здравствуйте. Меня зовут Лариса. Я хочу пригласить вас на презентацию нашей фирмы „Мир пряжи“...»

Бедняга замер на полуслове. Опять двадцать пять! Так вроде хорошо дело пошло — и на тебе! Чего он хочет, в самом деле? Пусть прямо скажет, в какую степень теперь надо это «пи» клятое возвести!

— Не знаю, — мрачно отрезал Купидон.

— Во-от! — протянул Вячеслав Андреевич. — А если он останется на свободе, мы этого тоже никогда не узнаем. А хотелось бы.

Взгляд следователя стал таким безмятежным, что Ланцов с болью осознал: дальше повышать сумму бессмысленно. Хоть в куб, хоть в десятую степень возведи — откажется, сволочь. Неужели что-то они проморгали? Не учли? Как трудно жить далеко от столицы! Новости важные запаздывают, не успеваешь в обстановке ориентироваться. Неужели всерьез за коррупцию взялись? Не шутят больше. Или шутят, но не для всех?

— Хорошо, удачного вам следствия... Всего доброго, Антон Романович!

Дойдя до двери, он сообразил, что отчитываться перед Марусовым не о чем. А значит, придется выслушивать в свой адрес простонародные слова, от которых кругом голова.

— Ой, чуть не забыл, — с ласковой улыбкой ананкнды произнес Ланцов, оборачиваясь. Хоть немножко этому «математику» насолить: — Завтра возвращается хозяин дома, где вы живете. У него поменялись планы. Надеюсь, вы найдете где остановиться?

— Найду, — не моргнув, подтвердил майор Фейк.

— Если вдруг передумаете, я на связи...

Лукавил Купидон, ох лукавил. Хозяин дома, где жил Золотов, при всем своем пылком желании возвратиться в родные пенаты не мог. И планы его целиком и полностью зависели от судебного вердикта. Как там по-латыни? *Dura lex, sed lex* — закон суров, но это закон. Ну дура не дура, а приземлили его за дело: где ж это видано — открыть свиноферму в Великозельске и долю кураторам не заслать. Ой, не долю... Добровольный взнос на развитие региона.

* * *

Ирина Плетнева в перламутровом бикини и роскошной бордовой соломенной шляпе возлежала в шезлонге под зонтиком у бассейна. Тень от шляпы падала на лицо, и она могла незаметно наблюдать за окружающими, точнее за их реакцией. Хотя и без того прекрасно знала, что все мужики в пределах видимости пускают слюни, поглядывая на нее. Красота — страшная сила. И чудненько, что есть на ком эту силу испытать. Да и что она в самом деле! Столько времени убила на этого недотепу Плетнева. А он? Все как должное воспринимал — и ее красоту, и хлопоты. А он только сериалы свои дебилские смотрел. Но, похоже, она его недоценила. Сбежал с брюликами, паршивец. А вдруг не совсем сбежал? И вернется к ней в новом качестве. Красивым и богатым. Внешне-то он вполне — не то что обезьяна Деризубов. Хоть и говорят, что внешность для мужика не главное. Но это если с деньгами все в порядке. В общем, не надо форсировать события.

— Иришка, я тебе освежиться принес. Прошу.